

Е.В.АЛЕКСЕЕВА (Екатеринбург)

МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Специфической чертой научного знания конца XX столетия является по-прежнему гипотетический характер представлений о кардинальных проблемах бытия при одновременной детальной изученности значительной части интеллигибельных реалий. Из констатации этого факта следует, по-крайней мере, два вывода. Во-первых, сугубое детализирование, расширение фактографической поверхности не обязательно приводит к углублению нашего понимания происходящего, а во-вторых, чтобы приблизиться к истинному знанию о явлении, необходимо не только апеллировать к фактам, а по крайней мере, суметь найти адекватный метод, который поможет лучше понять внутреннюю логику их разворачивания и связи. Как кристально ясно показал Г Гегель "только метод в состоянии обуздывать мысль, вести ее к предмету и удерживать в нем" [1]

Для исследования региональных проблем представляет интерес метод ситуационных исследований (case studies), получивший заметное распространение в историографии с 1970-х гг. В работах такого рода прежде всего подчеркивается необходимость остановить внимание на отдельном явлении, событии, которое произошло в определенном месте и в определенное время. Кейс стадис - это как бы перекресток всех возможных анализов науки, сфокусированных в одной точке с целью обрисовать, реконструировать одно событие в его цельности, уникальности и невоспроизводимости. Однако, нам представляется продуктивным расширить когнитивные возможности данного метода. А именно, не только показать, что рассматриваемые события исторически неповторимы, невоспроизводимы в других условиях, но, в отличие от этой очевидной посылки, понять происшедшее как вписывающиеся в единый ряд развития и обладающее какими-то общими с другими явлениями чертами. Таким образом, формулируется концептуальная основа для придания в некотором смысле всеобщего значения индивидуальному событию, а также новая форма континуальности в истории. Данный подход является весьма продуктивным для исследования региональных проблем. Вычленение набора типичных компонентов и признаков, характеризующих историческое развитие региона составляет основу для широкого компаративизма и позволяет видеть суть и корни тенденций региональной динамики сквозь затейливую пелену локальной специфики и кажущейся уникальности.

Эпистемологический потенциал такого подхода заключается в том, что через изучение локальных, фокусных точек, в результате определенного анализа могут быть обнаружены всеобщие характеристики того или иного процесса или явления. Таким образом, ставится задача выработки принципов, руководствуясь которыми можно выявить всеобщее в истории через изучение уникальных, особенных событий. Кейс стадис в их сегодняшнем состоянии являются лишь симптомом процесса обращения историков к исходным элементарным клеточкам предмета исторического анализа как некоторому средоточию всеобщности. Элементарное событие не приобщается к некоторому всеобщему, находящемуся вне его, а наоборот, это всеобщее обнаруживается в нем самом.

Если в традиционных исторических концепциях исторический процесс отождествляется со сплошной диахронной линией, в своем идеале лишенной разрывов и образованной из точек фактов, то применение данного метода дает возможность

представить историческую реальность в виде плоскости, на поверхность которой проецируются с замечательной вариативностью сущностно единые типы явлений. Это позволяет говорить о преодолении дискретности в истории. Подобно тому как целостное событие фокусирует в себе весь мир (движение внутрь себя), так и в любом акте взаимодействия с внешним миром событие проявляет себя непременно все целиком, всеми своими свойствами, сфокусированными именно в этом акте взаимодействия (движение вовне). [2]

Применение названного подхода к региональным исследованиям тем более перспективно, что в их изучении приходится сталкиваться с наложением друг на друга и сложным клубком взаимодействий нескольких проблемных комплексов, условно обозначаемых как география, политика, экономика, социум, культура, этногенез. Объяснить специфический характер разворачивания региональной ситуации и определить вектор ее возможного развития можно через анализ упорядоченных матриц, являющихся идеальным каркасом вышеназванных комплексов. Аппликация подобной аналитической сетки демонстрирует очевидную неравномерность степени проявления и значимости указанных комплексов для данного региона. Речь идет о возможном несовпадении реальных и актуальных политических, экономических, культурных и прочих центров региона, о попадании региона в зону влияния или притяжения вышеперечисленных центров, находящихся за его пределами. Именно в этой плоскости следует искать объяснение многих региональных конфликтов и противоречий.

1. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. I. Наука логики. М., 1974. С. 57

2. Философия и методология науки. Часть 2. М., 1994. С. 81-92.

Л.В.АЛЕКСЕЕВА (Нижевартовск)

ЗЕРНОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО НА УРАЛЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ (1928 - 1932 ГГ.)

Проблемы сельскохозяйственного производства на Урале довольно слабо освещены в исторической литературе. Это объясняется прежде всего тем, что историки освещали в основном вопросы только колхозного и совхозного строительства. Поэтому в настоящей работе ставится задача проанализировать состояние важнейшей сельскохозяйственной отрасли зернового производства на Урале в годы первой пятилетки, которое совпало с проведением сплошной коллективизации, явившейся социальным экспериментом над крестьянством и имевшей социальные, экономические и демографические последствия.

Сельское хозяйство Урала в начале первой пятилетки было основной отраслью экономики края. Ведущими сельскохозяйственными отраслями являлись земледелие и животноводство, при явно лидирующей роли первого. До 1929 г. основным производителем зерновой продукции, равно как и прочей, выступали крестьяне-единоличники. Крестьянские хозяйства на Урале имели различные размеры посевов. К началу первой пятилетки, до 2-х десятин имели посевы 39,6 % крестьянских хозяйств, от 2-х до 8 десятин - 52,4 %, свыше 8 десятин - 8 %. Пахотный надел был, как правило по размеру больше, чем засеивал крестьянин. Под посев, в среднем по Уралу шло 3/5 пашни.